

УДК 911.3

О СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ МЕР ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА

© 2013 г. М.П. Крылов

Институт географии РАН

Поступила в редакцию ...

Данная статья написана как реакция на статью Э.Л. Файбусовича, В.В. Плечановой “О возможных изменениях в административно-территориальном делении Российской Федерации”, опубликованную также под рубрикой “Дискуссионная трибуна” (Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 2). Автор обсуждает методологические проблемы реконструкции расселения и реформирования регионального устройства (на уровне областей и на внутриобластном уровне) в современной России. Негативные социальные и культурные последствия предложенного Э.Л. Файбусовичем, В.В. Плечановой реформирования иллюстрируются набором разнообразных примеров. Показан теоретический и этический смысл проблемы.

Вопросы, затронутые в публикации Э.Л. Файбусовича и В.В. Плечановой [17], очень важны, и заслуга авторов в том, что они поставили эти вопросы перед географической общественностью. Вместе с тем аргументация в статье основана лишь на авторском здравом смысле, а также допущениях и гипотезах, которые могут быть оспорены. Поэтому для изучения проблемы нужно было бы провести специальное исследование на конкретных примерах (case study), опирающееся на анализ разных, контрастных, тщательно географически подобранных ситуаций (даже обсуждение содержания программы соответствующих исследований могло бы составить предмет специальной статьи). Лишь в таком случае были бы допустимы (и лишь отчасти) столь *категоричные* обобщения и выводы, которые делают авторы.

Рассматриваемая статья посвящена двум проблемам:

– укрупнение (объединение) существующих субъектов РФ и, соответственно, лишение статуса областных центров некоторых (многих?) городов, являющихся в настоящее время таковыми;

– укрупнение внутриобластных (муниципальных) административных районов и утрата в связи с этим частью малых городов статуса центров муниципальных образований.

Указанные проблемы ставятся на обсуждение с точки зрения их управленческой целесообразности (здесь авторы следуют в фарватере официальных предложений, пытаясь упорядочить их).

Социальные последствия этих мер в статье рассматриваются лишь вкратце.

Наиболее четко (и наиболее жестко) позиция авторов сформулирована в отношении внутриобластных районов и их центров: районы, безусловно, следует укрупнять, а соответствующие города-райцентры “беспощадно” лишать такового статуса, переводя их в “заштатные” города. Основание для такой политики видится авторами в возможности достижения определенной экономии на содержании социальной и иной инфраструктуры, прежде всего за счет отказа от поддержки наиболее мелких городов-райцентров. Здесь логика авторов смыкается с известной логикой ликвидации “неперспективных” сельских поселений.

В статье Э.Л. Файбусовича, В.В. Плечановой не упоминается такой важнейший аспект проблемы, как мнение самих жителей субъектов РФ и муниципальных образований относительно их укрупнения. Территории (районы, регионы) не рассматриваются авторами как исторические сложившиеся “организмы”, как пространственный эквивалент местных (региональных) сообществ.

Проанализируем основные вопросы, возникающие в связи с рассматриваемой статьей.

1. Проблема укрупнения субъектов РФ. Здесь позиция Э.Л. Файбусовича, В.В. Плечановой изложена, как нам представляется, непоследовательно. Скепсис по отношению к идее ликвидации существующей системы областей (и областных центров! – М.К.) и замены ее некоторой

более рациональной системой (в духе известных предложений СОПС – см.: [5]) [17, с. 121 и др.] соседствует с компромиссными заявлениями о том, что, если будет принято решение о таком объединении, то возможно (допустимо) объединение определенной части субъектов РФ. Авторы как бы смирились с тем, что укрупнение регионов-субъектов РФ уже стало императивом: “проектам реформирования... уже дан ход” (с. 120), и предлагают читателям свой вариант укрупнения, приводя аргументы “за” (с. 121). Одновременно дана также ссылка на статью Э.Л. Файбусовича (в соавторстве с В.Л. Мартыновым) [16] как на изложение авторской позиции (с. 120), хотя там позиция – отрицательная. В итоге никаких результирующих выводов по этому вопросу в статье нет.

С нашей точки зрения, описываемые ситуации вероятны, но возможны также и совсем иные (для тех же самых областей! – М.К.). Приведем примеры. “В экономическом плане индустриально более сильные Белгородская и Липецкая области в случае слияния могут существенно укрепить экономику, соответственно, Курской и Воронежской областей” [17, с. 121]. Если крупные города перестанут быть областными центрами, “крупные экономические центры будут иметь меньше возможностей для давления на областную администрацию” (с. 122). Авторы не обсуждают вопрос о будущих центрах таких областей и о возможной судьбе Воронежа и Курска под властью соответственно Липецка и Белгорода; впрочем, в качестве рационально выбранного центра новой черноземной области Э.Л. Файбусович и В.В. Плечанова выдвигают Елец, ссылаясь при этом на американский опыт (! – М.К.) (с. 121).

В качестве аргумента в пользу укрупнения внутрирегиональных административно-территориальных единиц рассматриваются изменения “в развитии транспорта, особенно автомобильного, включая парк автомобилей личного пользования” [17, с. 122]. Никаких расчетов, основанных на фактических данных в области географии транспорта, как и описания российского или зарубежного опыта (для аналогичных ситуаций) в статье нет. В то же время, по нашему мнению, примером негативных последствий укрупнения муниципальных образований и субъектов РФ может служить происходящее в таком случае дополнительное увеличение транспортной уязвимости населения (см.: [8]).

Вопрос о существовании курской, воронежской и “черноземной” идентичности, о местной культурной традиции, тяготеющей к определенным территориальным рамкам и к определенным

центрам, как правило, бывшим губернским городам (в случае рассматриваемого примера – Курска и Воронежа, в отличие от Белгорода, Липецка и Ельца – бывших уездных городов с более узким горизонтом традиции), в статье не обсуждается.

2. Проблема экономической неэффективности местных центров и социальные последствия укрупнения внутриобластных муниципальных районов. Многие логические звенья и резюмирующие формулировки статьи, посвященные этой проблеме, даны в сугубо публицистическом стиле, но возражение вызывает не столько форма, сколько смысл соответствующих фраз. “Слабые райцентры все равно умрут естественной смертью вместе с обезлюдением своего сельского окружения” [17, с. 124]. “Следовательно, районная администрация выполняет роль попечителей “богоугодных заведений” для пенсионеров. Не слишком ли высока для общества плата за такие социальные услуги?” (с. 124). “Конечно, жить и умирать лучше в родных стенах, но не проще ли собрать беспомощных стариков в специальные социальные дома?” (с. 127).

Ряд конкретных утверждений в статье представляются неверными или слишком абстрактными. “На современном этапе хозяйствующие в сельских районах субъекты не нуждаются в централизованном руководстве, как это было в советский период; для выполнения же чисто экономических и социальных функций многие сохранившиеся райцентры, даже города, оказываются слишком маломощными” (с. 123). Авторы здесь рассматривают райцентры в качестве чисто коммерческих центров предоставления услуг, забывая о разнообразных функциях контроля (включая лесоохрану, МВД, санитарно-эпидемиологические станции и т.д.), связи, государственных услуг (здравоохранения, образования), возможность осуществления которых прямо или косвенно определяется поддерживаемой государством сетью местных центров, в первую очередь – райцентрами. “Возможно, следует отказаться от разделения городских поселений на собственно города и пгт” (с. 123). “К сожалению, из-за ограниченности капиталовложений в необходимый уровень развития социальной инфраструктуры, идея (сселения “неперспективных” сельских поселений, согласно академику Т.И. Заславской – М.К.) не была реализована в полном объеме” (с. 127).

В статье Э.Л. Файбусовича, В.В. Плечановой нет ссылок на публикации, где критикуются концепции “сселения” и “бесперспективности”, положенные в основу реализации идеи укрупнения внутриобластных районов. Между тем таких

публикаций достаточно много. В [3] отмечается, что "...какими бы ни были цели кампаний, любые изменения АТД меняли всю ткань расселения, нарушали сложившиеся социальные и экономические связи... Кроме того, эти изменения не учитывали многообразие страны и ее регионов". Примером может служить и следующая статья [10]. В ее преамбуле сказано: «Больше закрывать не нужно, – сказал премьер Владимир Путин о сельских школах, которые в последнее время активно *“оптимизировали”*. Вроде больше и некуда, – сокращена четверть школ, тысячи учителей сидят без работы... Оказывается, еще есть куда». Далее идет материал по Карелии, Красноярскому краю, Нижегородской и Калининградской областям. Дается такое резюме: “Кстати, в Америке малокомплектные школы не закрывают, наоборот, открывают. Называются они “однокомнатными”. Статистика доказывает: качество обучения в такой “однокомнатной” школе выше, чем обычно”. По нашему мнению, читателям статьи Э.Л. Файбусовича, В.В. Плечановой будет полезно ознакомиться также со статьей В.А. Гречухина в сборнике “Сжатие социально-экономического пространства” [4].

В другой интересной публикации – “Россия пустеет?” [14], где сказано, что (тогдашняя) глава Минэкономразвития РФ Э. Набиуллина заявила (в связи с публикацией итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.), что, по ее мнению, большинство жителей малых и средних городов постепенно переедет в “мегаполисы” и что “бюджетная политика будет меняться в пользу городов-миллионников”, редакция в своем резюме критикует министра: “Чтобы страна была защищена, она должна быть заселена... Даже в Белоруссии не отменяют автобусы, если в деревне живет хотя бы 10 человек. Так, может, надо наоборот поступать – не сокращать финансирование, а наращивать его, чтобы в деревне и газ был, и школа, и дороги? (курсив мой – М.К.). Тогда при следующей переписи мы, возможно, увидим другую картину...”.

Следует также учитывать, что более густая (хотя бы и в чем-то менее эффективная) сеть расселения содержит существенно меньший социально-экологический риск с точки зрения устойчивого развития региона, что показано в [11].

Противоречит позиции авторов статьи и существующий в РФ (правда только в теории) подход к установлению размеров территории и границ каждого конкретного муниципального образования. В различной нормативно-методической и учебной литературе в области государственного и

муниципального управления отмечается, что необходимо учитывать два противоположных фактора.

Первый – приближение местной власти к населению. Определяющим здесь является наличие локального сообщества, в интересах которого осуществляется местное самоуправление. Отсюда, в частности, вытекает ряд принципов территориальной организации местного самоуправления, из которых следует нецелесообразность пропагандируемых в статье Э.Л. Файбусовича, В.В. Плечановой мер по укрупнению муниципальных образований. К таким принципам относятся: *эффективность самоорганизации*, которая снижается с увеличением размеров территории и удалением местной власти от населения, и *доступность органов местного самоуправления для жителей*.

Второй фактор – укрупнение самоуправляемых единиц в целях наращивания экономического потенциала и инфраструктуры, что считается необходимым для эффективного решения вопросов местного значения и оказания услуг населению. Следует заметить, что укрупнение и достижение экономически эффективного размера поселения вовсе не обязательно означает достижение им (поселением) максимального размера. Здесь можно сослаться на известные в прошлом дискуссии об “оптимальной величине города” [1, 7].

Э.Л. Файбусович и В.В. Плечанова учитывают лишь второй фактор, беря при этом его самые простые и легко (слишком легко!) формализуемые стороны, никак не пытаясь соизмерить оба указанных фактора.

3. Теоретические аспекты проблемы: учет социально-экономических и социокультурных факторов. Вызывают сомнение принимаемые авторами статьи допущения, с позиций которых ими интерпретируются критерии эффективности системы административно-территориального деления России, включая критерии эффективности функционирования городов и сельских поселений. Авторы игнорируют (не учитывают и не упоминают) наличие собственных закономерностей, целей и критериев развития местных (локально-региональных) социумов, местных сообществ. Хотя в статье правильно пишется о территориальной самоорганизации общества и о взаимодействии общественной географии и смежных общественных наук, однако в последующем тексте указанная самоорганизация, а также проблема взаимодействия экономических и социальных наук, экономических и социальных критериев трактуются очень упрощенно.

Во-первых, местные сообщества рассматриваются лишь как одно из звеньев, притом подчиненных, функционирования экономики; экономика, в свою очередь, рассматривается без социальной составляющей, в духе “монетаристского” направления. В то же время “монетаризм”, как известно, совершенно бесконтактен к региональной, городской и расселенческой проблематике (что показано, например, в работах О.С. Пчелинцева). О.С. Пчелинцев [12, с. 11, 35 и др.] обращал внимание на то, что именно вопросы “территориального развития”, “проблемы территорий..., развитие инфраструктуры, занятость, расселение и др. являются классической областью “провалов” рынка (market failures)”. Поэтому системы расселения и регионы, по мнению О.С. Пчелинцева [там же, с. 36], должны стать ведущим звеном в экономической системе устойчивого развития.

В связи с этим критериальная основа статьи вызывает возражение и в другом плане. Проблемы реконструкции расселения в принципе не могут трактоваться с позиций критериев прибыли, экономии затрат и других экономических в узком смысле критериев – то есть тех, к которым апеллируют Э.Л. Файбусович, В.В. Плечанова, говоря о том, что часть поселений “должна умереть естественной смертью”.

Таким образом, позиция авторов укладывается в логику известной экономической доктрины монетаризма – следования по пути наименьшего сопротивления и отказа от вмешательства в хозяйственные и экономические процессы. В контексте проблем глобализации, “открытого общества” и свободной торговли эта доктрина критикуется в книге Эрика С. Райнерта, показывающего неприемлемость теории, которая “настаивает на том, что саморегулирующиеся рынки приведут к экономическому росту всех стран, если сократить роль государства до минимума” [13, с.11]. Райнерт вводит понятие “Стандартный канон”, к которому тяготеет монетаризм и современный экономический мейнстрим в целом и который связан с традициями А. Смита, Д. Рикардо и физиократов, и “Другой канон”, восходящий к традиции меркантилистов, экономической политике ныне богатых стран в XVII–XIX вв. и плану Маршалла [13, с. 339–341].

Во-вторых. Допустим, мы согласились с монетаристской моделью социально-экономического развития (“спасение утопающих дело рук самих утопающих”). Однако в контексте статьи Э.Л. Файбусовича, В.В. Плечановой остается неясным, почему надо создавать искусственные барьеры для “утопающих”, почему самоорганизация

в более мелких центрах, например, самоорганизация городов Мышкин, Грайворон и Бирюч, которые постоянно борются и за статус города, и за статус районного центра, и за возвращение исторического имени (Бирюч), считается хуже самоорганизации в более крупных центрах. Неужели дело в формальной людности, а не в реальных импульсах социокультурной активности?

Представляется, что утилитарная ценность самоорганизации именно в не крупных центрах связана с дополнительными возможностями контроля над территорией и поддержки “слабых звеньев” расселения (мало реализуемой сверху, в рамках региональной политики, вне реальных социокультурных импульсов). Очень важным является принцип разнообразия, нарушаемый всеми попытками борьбы с определенными типами поселений. Тем самым происходит попытка унификации человека, разрушения предпосылок формирования креативных личностей (см.: [18]).

Кроме того, надо разобраться с “утопающими” – в чем причина их проблем: в их собственной, имманентной неполноценности, или же в навязываемых им правилах игры (О.С. Пчелинцев [12] приводил в связи с этим пример Ярославля). П.Г. Щедровицкий в качестве примеров “недееспособных” городов приводил Пензу, Псков и Рыбинск. Псковскую область П.Г. Щедровицкий назвал “бесперспективной” [19]. Ряд других авторов также указывали на “бесперспективность” Рыбинска, критикуя его жителей за излишний местный патриотизм и укорененность [9]. *Налицо – серьезная теоретическая проблема, связанная с очень глубокими, даже катастрофическими, последствиями для страны, которая должна быть обсуждена географической общественностью.*

Непонятно, почему надо ослаблять импульс самоорганизации Воронежа, лишив его статуса областного центра, и чем “поможет” (а вдруг нарушит?) самоорганизации Ельца как туристического и образовательного центра вновь получаемый им, по предложению авторов статьи [17], статус центра объединенной области?

Если монетаристская модель исходит из того, что надо помогать только сильным (ориентироваться на сильных), а слабые отсеются в ходе конкурентной борьбы за существование в процессе экономического понимаемого естественного отбора, то где уверенность в том, что мы помогаем именно сильным, а не слабым (ориентируемся на сильных, а не на слабых), – ведь о силе и слабости можно говорить лишь применительно к одной и той же “весовой категории”. Социокуль-

турный потенциал Ярославля, вне всякого сомнения, выше, чем у Тюмени или Ханты-Мансийска, но в рамках современных правил игры и вследствие сырьевой направленности хозяйства России Ярославль экономически им уступает.

Названная выше теоретико-методологическая проблема сводится к обсуждению следующих альтернатив (часть из них уже давно, с советских времен, затрагивалась в науке, но затем была отброшена).

– *Экономика для человека или человек для экономики*; народнохозяйственный критерий (критерий национальной экономики, критерий общественной полезности, критерий устойчивого развития или отраслевой критерий: ведомства, корпорации, фирмы) Здесь необходимо определиться, на какие критерии сегодня надо ориентироваться в принятии решений, как можно их соизмерять.

– *Пространственная мобильность или территориальная укорененность населения*. Необходимо обсудить прогрессивность, соотношение, соподчинение и реальные предпочтения населения. Укорененность – это благо или тормоз развития?

4. Проблема “центр–периферия”: региональный и внутрорегиональный аспекты. Содержательные предпосылки подходов, используемых в статье Э.Л. Файбусовича, В.В. Плечановой, могут быть лучше поняты в рамках эволюции трактовки отношения “центра” и “периферии” в советское время [1, 7].

Первоначально был популярен догмат о *равномерном* размещении производства. Известно, что в принципе канонические тексты классиков не отрицали, а предполагали существование *неравномерности* как пространственно-временной категории (например, в теории империализма). Однако именно идея равномерности, а также связанная с ней концепция территориальной децентрации производства и населения приблизительно до середины 1960-х годов претендовали на монопольный статус в теории, несмотря на то, что классики признавали роль крупнейших промышленных центров и в индустриализации, и в классовой борьбе. Такая ситуация существовала в рамках жесткого нормативного подхода в планировании и проектировании и подразумевала отказ от учета самоорганизации в обществе. Однако именно нормативный аспект проблемы оказался наименее обоснованным.

Какова должна быть “в идеале” пространственно-территориальная организация общества? В общем виде такой вопрос, возможно, слишком абстрактен, однако в 1970–1980-е годы он вылился

в дискуссии, временами достаточно острые, об оптимальной величине города, о прогрессивности “сверхурбанизма” и о пределах роста территориальной концентрации населения. Прежние догматы стали подвергаться критике и утратили монопольное положение. Сторонники концентрации и урбанизма отвергали сталинскую идеологию и считали себя проводниками прогресса. Однако новая идеология, казавшаяся им прогрессивной, была не всегда верной. Она была полемически направлена против прежней идеологии, но строилась на наивном предположении, что ошибочное (или ложное) утверждение, вывернутое наизнанку, легко превращается в истину. Так родилась концепция однозначной прогрессивности концентрированных форм расселения, подкрепляемая расчетами, создававшими видимость строго научного обоснования. Узость подобной постановки проявлялась в отношении к менее концентрированным формам расселения, мелкоселенному сельскому расселению, средним и малым городам, средним и малым сельским поселениям. Формы расселения получали трактовку не как априори данные и исторически сложившиеся, контролируемые территорию и являющиеся средой обитания человека, а как результат деятельности проектировщика, берущего на себя функции демиурга сельской местности (отчасти – и городов). Меньшая расчетная эффективность более мелких поселений служила основанием для отказа им в “перспективности”. Поэтому в условиях сохранения жесткого нормативного подхода (к сожалению, сохраняющегося и по сей день) прогрессивная, по мнению своих адептов, концепция стала превращаться в свою противоположность, нарушая естественную самоорганизацию расселения и хозяйства уже с другого фланга.

В частности, в дискуссиях 1970–1980-х годов выдвигалась идея об однозначных преимуществах наиболее крупных городов как носителей разнообразных форм прогресса. При этом не учитывались удобства жизни в других городах, распространение самых различных нестолических форм и проявлений образа жизни (сторонники суперурбанизма всерьез считали и нередко считают до сих пор, что все жители нестолических городов мечтают переселиться в Москву). Если первоначально суперурбанизм мог восприниматься как своеобразная форма легального свободомыслия, то впоследствии эта идеология постепенно превратилась в достаточно устойчивый и воинственный официоз. В 1960–1970-е годы на этой идеологии были основаны известные проекты ликвидации неперспективных сельских поселений. В настоящее время на ней же основаны не

менее авантюристические проекты ликвидации малых сельских школ, лишения значительной группы малых городов статуса райцентров, и, наконец, лишения многих крупных городов статуса областных центров (в связи с укрупнением областей).

К сожалению, в этот процесс, начиная с 1960-х годов, в той или иной степени оказались включенными представители передового для советской науки того время экономического направления в социологии. Академик РАН Т.И. Заславская писала о своем участии в проектах реконструкции сельского расселения [15, с. 44]: “К концу 60-х годов все села Новосибирской области были классифицированы по критерию перспективности. Наши расчеты показали, что перспективные поселения в целом обладают способностью удерживать и привлекать население. Но наблюдались и значительные инверсии, связанные с тем, что перспективность поселков оценивалась по признакам, не учитывающим их конкретную историю, местоположение и природные условия, не говоря уже о культурной специфике”. Kommentировав это высказывание, заместитель председателя Торгово-промышленной палаты Новосибирской области Ю.П. Воронов [2, с. 93] писал в журнале “ЭКО”: “И хотя за этим следует ссылка на тогдашние авторитеты, ее можно считать очень слабым извинением непротиводействию программе, нанесшей значительный урон советскому селу. Но, безусловно, не научные авторитеты, а практическая невозможность конфликтов с партийными решениями была тому причиной”.

Здесь необходимо также обратить внимание на произошедшую в то время подмену понятий, определившую выбор деструктивной стратегии развития сельского расселения. Сама по себе констатация большей перспективности более крупных сельских поселений (с точки зрения динамики людности и миграций населения) как одной из тенденций развития сельского расселения является простым эмпирическим обобщением, нуждающимся, однако, в многочисленных оговорках, связанных с наличием других тенденций перспективности, а также с решением вопроса о конкретных “оргвыводах” для “неперспективных” поселений. Между прочим, в курсовой работе автора данной статьи [6] было показано, что максимальный прирост населения (по Тамбовской области, учитывались поселения людностью свыше 300 чел.) отмечался у всех пригородных сел вокруг Тамбова и Мичуринска, а также у сел меньшей (!) людности, расположенных южнее (внутри области) на территориях с более высоким плодородием почв. Наибольший же отток населения наблюдался

в наиболее изолированных, глубинных частях области (на границе с Саратовской и Пензенской областями). Следует учитывать также, что больший динамизм определенных поселений проявляется в рамках исторически сложившегося, ненарушенного расселения и может меняться при его реконструкции.

Вместо заключения. На примере обсуждения материалов статьи Э.Л. Файбусовича, В.В. Плечановой видно, какие коллизии могут возникать в связи с понятным желанием географов быть востребованными, иметь выход в практику, быть конструктивными. Взаимодействуя с официальными структурами, корпорациями, ведомствами, властью, географы, как полагает автор, всегда должны задумываться, в какой мере и где можно идти на разумный компромисс, а где он недопустим, поскольку географы в таком случае поступают определенными профессиональными принципами. К сожалению, жизнь постоянно подбрасывает различные “мертвосотворенные”, но весьма живучие проекты, идеи, решения, когда возникает вопрос, что лучше: как-то участвовать в их обосновании, пытаться хотя бы частично исправить их, или же дистанцироваться, даже бойкотировать. По-видимому, существует какая-то грань, которую лучше не переходить.

Профессиональная этика географов должна содержать в себе определенный сдерживающий момент уже в отношении научного (не практического) “активизма”, включающий критическую составляющую по поводу недостаточно обоснованных научных и практических идей; они могут оставаться в интеллектуальном багаже, но не стоит (торопиться) выпускать их в практику.

Примером здесь может служить идея территориального перераспределения водных ресурсов, в связи с которой многие известные географы в свое время авторитетно заявляли, что все аспекты этой проблемы уже в необходимой степени научно обоснованы и что с этой идеей согласно большинство специалистов. Можно было воздерживаться от участия в этих “играх”, но можно было пытаться бороться с авантюристическим прожектом (что и осуществлялось рядом географов и, в большей степени, негеографов). Однако, заметим, что с позиций науки был бы в наибольшей степени полезен акцент на неразработанность критериев и на неопределенность достигаемых результатов, невозможность их реального практического использования; в то время, более жесткая “антиперебросочная” позиция содержала в себе риск подставить науку как социальный институт (что, к сожалению, подтвердилось).

Возвращаясь в данном контексте к проблематике статьи Э.Л. Файбусовича, В.В. Плечановой, представляется необходимым выделить основные позиции:

– необходимо проводить географическую экспертизу спускаемых сверху проектов и прожектов, отказываться от шаблонов и учитывать многообразие местных условий;

– если вопрос слабо изучен, то не надо спешить с выходом в практику;

– следует быть вдвойне осторожными, в противном случае не исключено, что, например, Минэкономразвития в следующий раз сошлется на такие научные разработки и выводы, хотя они в учебном мире и не защищались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Владимиров В.В., Наймарк Н.И.* Проблемы развития расселения в России. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 376 с.
2. *Воронов Ю.П.* Массовые решения в экономике: исследования, опередившие время // ЭКО. 2008. № 7. С. 78–96.
3. *Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С.* Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 51–64.
4. *Гречухин В.В.* Экономика переживаний // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования, М.: Эслан, 2010. С. 10–15.
5. *Кистанов В.В.* Объединение регионов России (преимущества для управления и предпринимательства). К реформе территориального устройства. М.: Изд-во “Экономика”, 2007. 151 с.
6. *Крылов М.П.* Анализ динамики сельского расселения Тамбовской области, 1959–1970: Курсовая работа студента 3 курса. М., Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1972.
7. *Крылов М.П.* Некоторые методологические замечания по проблеме “центр – периферия” // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012 № 3. С. 5–9: <http://journal-labirint.com>
8. *Крылов П.М.* Транспортная уязвимость населения России в начале XXI века // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 1. С. 26–35.
9. *Мезенцева Б.Б., Косларская Н.П.* Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. 1998. № 3. С. 141–188.
10. *Обесшколенные* // Аргументы и факты. 2011. № 36.
11. *Приваловская Г.А., Волкова И.Н.* Социально-экономические предпосылки рисков устойчивого развития регионов России // Изв. РАН. Сер. геогр., 2010. № 3. С. 8–20.
12. *Пчелинцев О.С.* Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. 258 с.
13. *Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми, почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2011. 384 с.
14. *Россия пустеет* // Аргументы и факты. 2011. № 51.
15. *Социальная траектория реформируемой России. Исследования новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина.* Новосибирск: Наука, 1999. 736 с.
16. *Файбусович Э.Л., Мартынов В.Л.* Тенденции и практика изменения административно-территориального деления России // Псковский регионологический журнал. 2006. № 2. С. 28–36.
17. *Файбусович Э.Л., Плечанова В.В.* О возможных изменениях в административно-территориальном делении Российской Федерации // Изв. РАН. Серия геогр. 2013. № 2. С. 120–128.
18. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Изд. Дом “Классика – XXI”, 2011. 432 с.
19. *Щедровицкий П.Г.* Сбежать из мертвой зоны (запись М. Кактурской) // Аргументы и факты. 2005. № 6.

On Social Meaning of Some Measures of the Reformation of Regional Organization

M.P. Krylov

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences

This article is written as a response to the article by E.L. Faibusovich, V.V. Plechanova “Possible changes in the administrative division of the Russian Federation”, published in *Izvestiya Russian Academy of Sciences. Series geography*, 2013. № 2. The author discusses the methodological problems of reconstruction of the settlement pattern and the reformation of the regional organization (at regional and intraregional levels) in modern Russia. The negative social and cultural consequences of the reformation proposed by E.L. Faibusovich, V.V. Plechanova is illustrated by a set of examples. Theoretical and ethical meaning of the problem is shown.